

МУРЗИЛКА № 2-3

Февраль — март. 1946. Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Слово избрателя

(Отрывок)

Он войдёт — и люди встанут,
И „ура“ и „славу“ грянут.
Это он — народный гений,
Полководец и солдат,
Нас ведёт, как вёл нас Ленин
Двадцать восемь лет назад!

XLVII-618

Это он — великий Сталин —
В дальней дали видел то,
Что другие не видали,
Предсказать не мог никто!

Это он без колебаний
Разгромил и смёл с пути
Всех, кто в годы испытаний
Нам вперёд мешал итти!

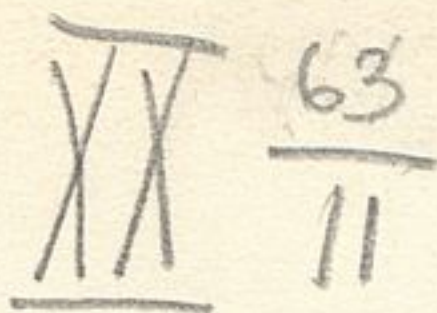
То, что мы завоевали,
Мы другим не отдадим!
С нами — Ленин! С нами — Сталин!
Наш народ непобедим!

За него, за мир и счастье
Городов и деревень,
За победу нашей власти
Опустил я бюллетень.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

У Ж Ё Л Т О Г О М О Р Я

Сказка

А. МАРЬЯМОВ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

Жили в Китае два друга.

Один из них был увалень и ничего толком не умел делать. Его прозвали Камешком, а по-китайски Ту Ли. А приятель его вечно прыгал, никогда не мог усидеть на месте, и его стали называть Ту Теби, то есть Лягушонок.

Выросли они, окончили ученье. И вот однажды Ту Теби заметил, что его друг пригорюнился.

— Что с тобой, Ту Ли? — спросил он.

— Да вот, сам видишь, какой я вырос, а в жизни ничего не умею делать.

— Ну, не печалься, — сказал Лягушонок. — погоди до завтра, и о тебе по всему Китаю пойдёт слава.

На другой день Лягушонок пришёл к своему другу и сказал:

— Ночью я утащил у своего отца самую дорогую саблю и закопал в саду под яблоней. Отец уж весь дом перевернул: саблю ищет. А я сказал, что у меня друг есть, который умеет любую пропажу найти. Пойдём со мной, отыщи саблю.

Пришли. Отец Лягушонка спрашивает у Ту Ли:

— Можешь отгадать, где моя сабля?

— Могу.

Пошёл к яблоне и выкопал саблю.

Отец Ту Теби обрадовался, дал Камешку денег и стал всем рассказывать про то, какой у его сына друг замечательный отгадчик.

И докатилась слава Ту Ли до императорского дворца.

А вышло так, что как раз в то самое время у китайского императора пропала большая государственная печать.

— Ну-ка, приведите мне этого Ту Ли, — говорит китайский император.

Побежали за Камешком солдаты, взяли его и повели во дворец.

— Вот он!

— Сейчас я его для начала проверю, — сказал китайский император и приказал подать шкатулку.

— Отгадай, что здесь такое.

Бедный Ту Ли подумал, что ему никогда этого не отгадать и что император наверняка прикажет отрубить ему голову. Ну и подвёл же его старый друг!

— Ах, Ту Теби, Ту Теби! — громко вздохнул бедняга Камешек.

— Значит, это правда, что про него говорили! — вскричал восхищённый император.

Он открыл шкатулку, и все увидели, что там действительно сидит ту-теби — большая зелёная лягушка.

— Иди теперь и отдыхай до завтра, — приказал император. — А завтра ты скажешь мне, куда пропала моя большая государственная печать.

Императорские солдаты повели Ту Ли по длинным коридорам дворца в комнату, которая была приготовлена для знаменитого отгадчика. Это была роскошная комната, вся в коврах и цветах. Но выйти из неё Ту Ли никуда не мог. Императорские солдаты крепко стерегли нужного императору человека.

Ту Ли лежал ничком на ковре и думал, что уж завтра-то ему непременно отрубят голову, потому что он не сможет отгадать, куда девалась большая печать императора. Ему было очень жалко себя. И птица, сидевшая на дереве за окном, будто тоже жалела его.

— Чи-чу! — повторяла она на все лады. — Чи-чу, чи-чу!

Наутро Ту Ли снова привели к императорскому трону.

— Говори! — приказал император.

Но у Ту Ли не осталось никаких слов.

— Чи-чу, — сказал он вдруг то, что по-

вторяла ему всю ночь птица за окном.—Чи-чу.

И тут один толстый придворный, в синем халате, расшитом золотыми драконами, упал на пол и закричал императору:

— Не казни и не гневайся!

Старого толстяка звали Чи Чу, и это он украл у китайского императора большую государственную печать.

Император приказал увести виноватого в тюрьму, а Ту Ли навсегда оставить во дворце, чтобы он служил императору.

Целый месяц прожил Ту Ли в дальней дворцовой комнате, и за это время император не вспомнил о нём ни разу. Теперь Ту Ли ничего не делал и ни в чём не нуждался. Ему не нужно было заботиться ни об одежде, ни о пище, ни о дровах для своей печки.

И всё же Ту Ли не был счастлив.

Ту Ли никуда не мог отлучиться из дворца. Он не мог видеться с друзьями, не мог

уйти в лес — бродить там и слушать, как разговаривает вода в ручейке. У него было всё, кроме свободы.

С каждым днём Ту Ли становился печальнее.

Однажды ему приснилось, что перед ним стоит Лягушонок и спрашивает:

— Что с тобой, Ту Ли? Почему ты такой печальный? Разве я не сдержал своего слова? Разве нет у тебя теперь всего, что только нужно человеку?

«Нет», хотел сказать другу Ту Ли. Но Лягушонок уже не было: Ту Ли проснулся.

Не стерпел Ту Ли. Он выскочил из своей комнаты, сбил кулаком с ног солдата, выпрыгнул в окно, перелез через стену — и был таков.

Скоро он ходил по лесу под весенними звёздами и говорил себе:

— Лучше быть голодным на свободе, чем сытым в неволе.

Этой старой сказке много сотен лет. Уже в те давние-давние времена, когда её сложили, для китайца дороже всего на свете была его свобода.

Несколько месяцев назад мне пришлось быть в Порт-Артуре, в далёком городе на берегу Жёлтого моря. Город этот построили русские пятьдесят лет назад.

Потом эту землю захватили японцы и сделали китайских жителей своими рабами.

Много китайцев отдало свою жизнь, чтобы вернуть свободу.

Наши красноармейцы и моряки прогнали японцев.

Русские вернулись в Порт-Артур и принесли свободу китайцам.

На этих картинках художник Высоцкий, который тоже побывал в Порт-Артуре, нарисовал то, что увидели

наши воины, когда заняли город. Жёлтые глинистые холмы обступили синий морской залив; пароходы стояли в порту, и между ними сновало множество рыбачьих лодок с высокими и узкими парусами, окрашенными в красный и чёрный цвет.

А на всех улицах города китайцы праздновали своё освобождение.

Они плясали на высоких ходулях. Лица у них были раскрашены синей и красной краской. Большие драконы из материи и бумаги колыхались высоко над их головами. Громко стучали гулкие барабаны, и тоненько верещали деревянные дудочки.

И когда жителям попадался на дороге наш красноармеец, они обступали его со всех сторон и танцевали, играли и пели для него одного, чтобы показать, как они ему благодарны.

Как нам подарили собаку Петьку

ЕВГЕНИЙ РЫСС

Рис. Д. ДУБИНСКОГО

Летом я был в пионерлагере, а Саша, мой брат, ездил в деревню к дяде Васе. Приехал он в конце августа, удивительно послушный и тихий. Он привёз письмо от дяди Васи. В этом письме дядя Вася писал:

«...11 июля Саша пытался оседлать жеребёнка в поле, и его целый день не могли поймать. 10 августа Саша накормил свинью пьяными вишнями из тёткиной наливки, и пьяная свинья два часа куролесила по деревне. 16 августа Саша надел одному козлу очки. Козёл от этого стал похож на сторожа Андрея Тарасовича, и Андрей Тарасович очень обиделся. В остальном,—писал дядя Вася,—мальчик вёл себя хорошо, и обижаться на него не надо».

Прочтя письмо, папа хмыкнул, посмотрел на Сашу поверх очков и сказал:

— Ну что же! За целое лето, при твоём характере, преступлений не так уж много, хотя с козлом это совершенно дурацкая шутка.

Мы легли спать, но среди ночи я проснулся, оттого что в комнате горел свет. Папа стоял в дверях. Саша сидел на постели.

— Что случилось?—спросил папа. — Мне послышалось, что кто-то из вас петухом запел.

— Может быть, это я, — сказал Саша. — Дядя Вася говорит, что я часто во сне кричу петухом.

— Гм...—сказал папа и посмотрел на Сашу поверх очков.—Постарайся отвыкнуть от этой нелепой привычки.

— Хорошо, папа, — сказал Саша, — постараюсь.

Я заснул, но скоро снова проснулся от петушиного крика. На этот раз прибежал не только папа, но и Георгий Абрамович, наш сосед, у которого часто бывают головные боли.

— Саша, — сказал папа, — ты опять кричал петухом?

— Может быть, — сказал Саша, — хотя мне ведь во сне не слышно.

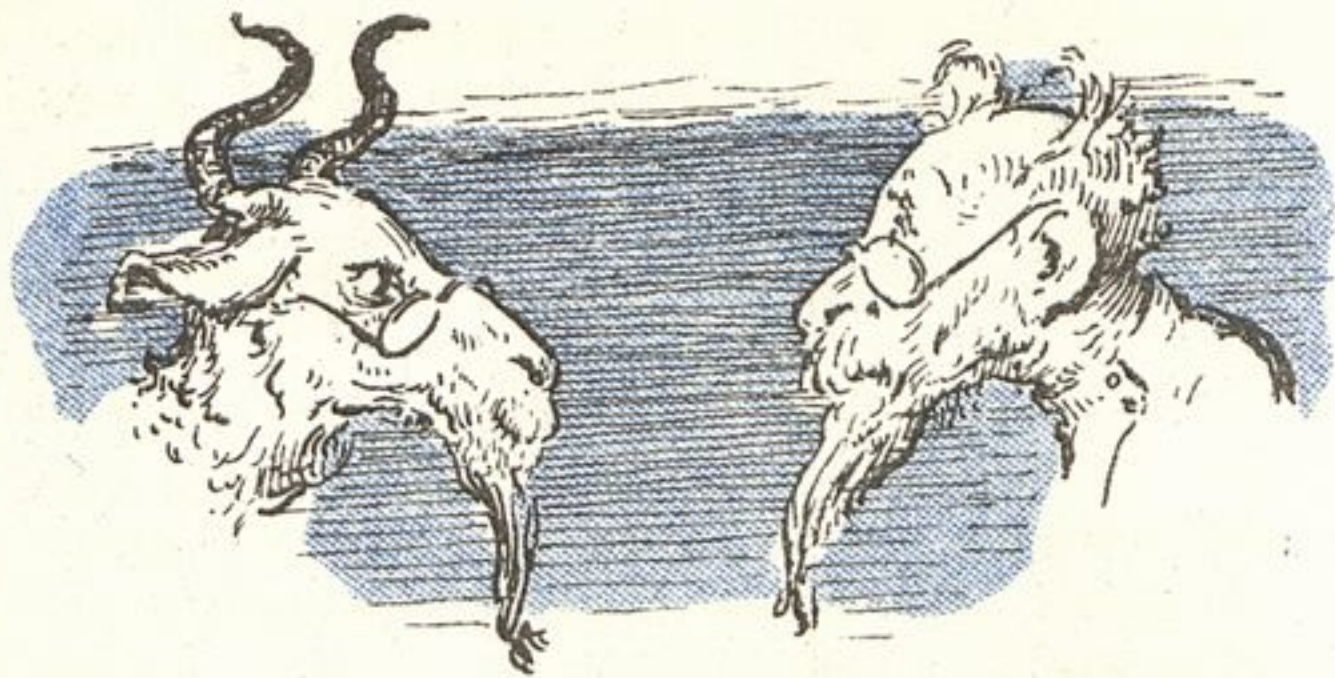
— И часто ты будешь кричать? — спросил Георгий Абрамович. — Ты знаешь, что у меня головные боли.

— Я постараюсь пореже, — примиряюще сказал Саша.

Папа погасил свет и собрался выйти, но вдруг Саша снова закукарекал. Свет сразу зажёгся. Вид у папы был очень сердитый.

— На этот раз ты кричал не во сне, — сказал он.

— Да, — согласился Саша, — я хотел кашлянуть и вдруг кукарекнул. Дядя Вася говорит, что это с ним тоже бывает.

— Вздор! — рявкнул папа. — Я дядю Васю тринадцать лет знаю, и не слышал, чтобы он кричал петухом.

В ответ раздалось громкое «кукареку». Саша смотрел на папу честным взглядом невинного человека. Папа наклонился, вытащил из-под кровати корзину — ту самую, с которой Саша ездил на дачу. Он откинул крышку. Белый петух вышел из корзинки, отряхнулся и гордо повёл головой.

— Что это? — спросил папа.

— Петух, — скромно ответил Саша. — Он очень тихий. Дядя Вася мне его подарил. Я думал, тебе будет приятно: он совсем ручной. И дядя Вася говорит: он хорошей породы.

— Ты что же, — удивился папа, — считаешь держать его здесь, в коммунальной квартире?

— Я возражаю, — сказал Георгий Абрамович, — у меня головные боли.

— Завтра же ты отвезёшь петуха к Ивану Алексеевичу, — решил папа.

Иван Алексеевич — это папин сослуживец, у которого в Филях собственный домик с садом и службами.

— Папа, — сказал Саша, — даю честное слово учиться на «отлично». Георгий Абрамович, он по ночам не будет кричать, и я буду вам покупать порошки от головной боли. Папа, ты увидишь, какая чистота будет в квартире. Я буду каждый день подметать. Все говорят, что детям полезно жить вместе с животными. А у нас ни собаки, ни кошки. И птицу я сколько раз просил. У других попугаи бывают, а мне хоть бы чижики какого подарили!

Он стал тереть глаза кулаками, готовясь захныкать.

— Тише, тише, — сказал папа, — не

шуми прежде времени. Спите, мальчики, утром всё решим.

Петуха запихали в корзину, Георгий Абрамович принял таблетку от головной боли, и все пошли спать. Проснулся я оттого, что Саша тряс меня за плечо.

— Женька, — сказал он, — вставай. Кролики сбежали.

— Какие кролики? — спросил я.

— Я привёз пару кроликов. Очень породистые, серебристые. Я думал, когда с петухом уляжется, как-нибудь потихоньку и про кроликов расскажу. А если сразу, это будет такой скандал... В общем, их надо поймать и спрятать.

Но поймать их оказалось не так-то просто. В нашей комнате их не было, а в других комнатах мы боялись искать. Пришлось сесть завтракать, так и не выяснив, где они.

За завтраком Саша всё время говорил «пожалуйста» и «спасибо», сидел прямо, не болтал ногами и ни разу не качнулся на стуле. Папа поглядывал на него поверх очков и разговора о петухе не заводил. Мы с Сашей очень волновались. Мне тоже хотелось, чтобы петух остался у нас. Можно было бы научить его разным штукам и водить гулять на верёвочке. Наконец, за вторым стаканом чая папа заговорил:

— Ну, Саша, вот что я решил. Раз уж ты обязательно хочешь...

Мы поняли, что петух остаётся, и очень обрадовались. Но в эту минуту в коридоре раздался визг, наша соседка Марья Ивановна вбежала в комнату и, задыхаясь, упала на стул.

— Что с вами? — испуганно спросил папа.

— Ох, — ответила Марья Ивановна, — у нас завелись крысы! Я налетела сейчас на

такую огромную, каких в жизни не видала.

Мы с Сашей сразу догадались, на какую крысу она налетела, но, конечно, помалкивали.

Папа обещал завтра же купить крысоловку. Марья Ивановна отдышалась и вышла, но сразу же снова раздался визг, слышались грохот и стоны. Оказывается, Марья Ивановна налетела на одну крысу, и в это же время Георгий Абрамович налетел на другую. Потом Марья Ивановна налетела на Георгия Абрамовича, и поднялся такой шум, что уже ничего нельзя было разобрать. Папа рассердился и сказал:

— Как вам не стыдно! Взрослые люди, а боитесь маленьких зверьков.

Он взял кочергу и отправился в коридор бить крыс.

— Папа! — крикнул Саша и побежал за ним. — Ты не трудись, дай лучше я...

Но папа рвался в бой. Он только боялся, что крысы уже убежали. Однако обе они спокойно сидели рядышком, и даже в полутёмном коридоре было видно, какие это большие, прямо-таки огромные крысы.

— Какие наглые! — удивился папа и ринулся на них, подняв кочергу. Вдруг он замер, удивлённо вглядываясь в крыс.

— Саша! — строго сказал он.

— Ну да, да, — торопливо заговорил Саша. — Два серебристых кролика. Очень

ценной породы. Шкурка замечательной красоты, напоминает черную лисицу. У них совсем нет голоса, так что будет совершенно тихо.

— Вон! — рявкнул папа. — Немедленно вон!

— Даю честное слово, что буду учиться на «отлично», — сказал Саша. — Дядя Вася говорит, что знающий кроликовод предпочитает эту породу всем остальным. В одном помёте у них бывает по десяти крольчат...

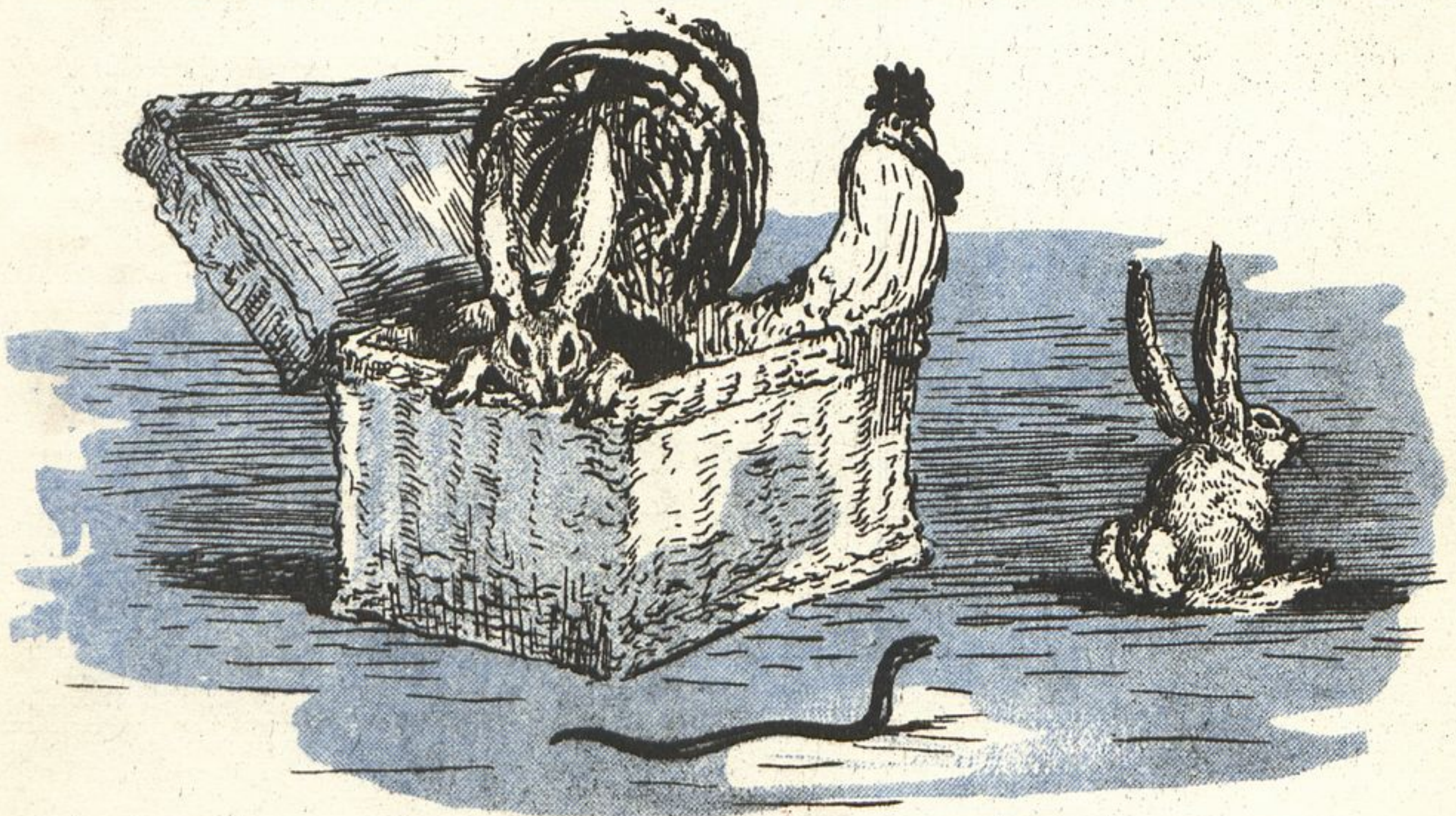
Кроликов внесли в столовую. Папа кричал, что ему это надоело и что он положит этому конец. Георгий Абрамович кричал, что у него как раз перестала болеть голова, как появились все эти петухи и крысы. Марья Ивановна кричала, что два кролика народят за год, самое меньшее, сто двадцать крольчат и тогда в квартире нельзя будет жить. Мы с Сашей умоляли, просили, уговаривали и клялись, что беспорядка никакого не будет, что мы будем замечательно учиться и прекрасно себя вести.

— Это вам не скотный двор, а квартира! — кричал папа.

— Завтра они свинью поселят на кухне! — кричала Марья Ивановна.

— Конечно, покоя больше не будет! — стонал Георгий Абрамович.

Тут, как назло, появился петух. Я так до сих пор и не знаю, как он выбрался из кор-

зинки. Он взлетел на стол, захлопал крыльями, разбил чашку и закричал: «Кукареку!»

К общему удивлению, за ним вскочила прямо ногами на стол и Марья Ивановна. Она разбила ногой сахарницу, но не обратила на это внимания. Петух хлопал крыльями и кукарекал, а Марья Ивановна размахивала руками и кричала. Стоя вдвоём на столе, они с петухом были очень похожи друг на друга.

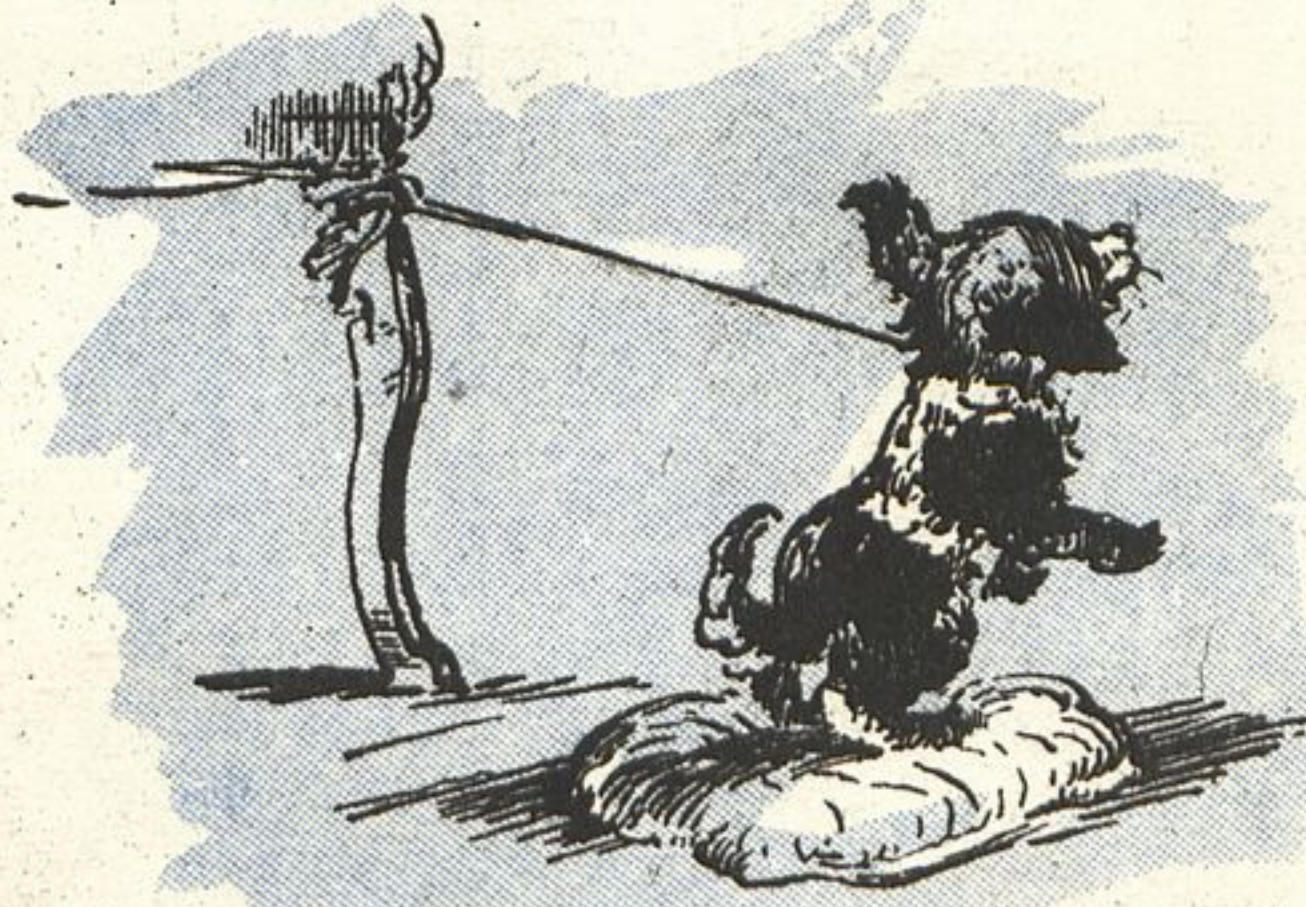
— Змея! — кричала Марья Ивановна.

Папа поправил очки.

— Про кого это вы? — строго спросил он.

Марья Ивановна показала на пол.

Тут уж и я испугался. Оказывается, из дверей нашей комнаты выползла змея и теперь неторопливо ползла по полу. Марья Ивановна прыгнула со стола прямо в дверь и умчалась по коридору. Георгий Абрамович залез в шкаф и плотно закрылся изну-

три. Только Саша остался спокоен. Он сел на стул и отвернулся, как будто его это не касалось.

— Саша?! — сказал папа.

— Я не понимаю, почему такой шум, — заговорил Саша. — Это обыкновенный уж. Совершенно не ядовитый и безопасный.

— Ты что же, — негромко спросил папа, — и ужа собираешься дома держать?

— Ну, а что? — спросил Саша. — Тем более, что у него зимняя спячка, он через неделю заснул бы и никому не мешал бы.

Мы хорошо знали папу. Если он кричал и топал ногами, всё можно было уладить. Но раз он говорил так решительно и спокойно, не было никакой надежды его переубедить. Саша махнул рукой, тяжело вздохнул, взял в одну руку ужа, в другую — петуха и пошёл в нашу комнату, бормоча про себя:

— Честное слово, не понимаю, из-за чего шум. Если бы я ещё гадюк привёз, тогда понятно, а то, подумаешь, — уж!

Папа постучал в шкаф и сказал:

— Вылезайте, Георгий Абрамович, всё в порядке.

Через час петуха, кроликов и ужа уложили в корзинку, отделив друг от друга картонными перегородками, и повезли в Фили. Петуха и кроликов решили подарить Ивану Алексеевичу, а ужа просто выпустить в поле.

Два дня мы с Сашей ходили мрачные. На третий день папа сказал:

— Вот что, мальчики: так как вы очень любите животных, я купил вам щенка.

Мы сразу повеселели. Щенок оказался мохнатый и рыжий. Он был гораздо интереснее ужа. В память о петухе мы назвали щенка Петькой.

Чашечки-серебряшечки

Б. Емельянов

Ребята! Вы должны знать Аркадия Петровича Гайдара — чудесного детского писателя. Он написал книги: «Чук и Гек», «Голубая чашка», «Четвёртый блиндаж», «Школа», «Тимур и его команда» и много других. Гайдара теперь нет на свете. Его убили немцы под Киевом. Советские ребята потеряли верного друга.

Гайдар был добрым, весёлым, хорошим человеком. Кем только не был Гайдар! Он был путешественником, охотником, рыбаком, партизаном, журналистом, красноармейцем, а потом командиром; он воевал в гражданскую войну и шестнадцать лет отроду командовал полком. Больше всего на свете он любил Красную Армию и вас, ребята.

Была у Гайдара приёмная дочка Женя, которую он очень любил.

Однажды Аркадий Петрович уехал в Крым лечиться. В одном киоске он увидел вот такой портрет девочки.

Правда, хорошая девочка?

И решил послать его Жене. А на обороте открытки он написал вот такие стихи:

Распустивши две косы,
Смотрит кроха на часы.
— Можно ль мне узнать у вас,
Что сейчас? Который час?

И ответила мне кроха:

— Я считать умею плохо.
Или девять без пяти,
Или пять без девяти...

А на другой день он в том же киоске увидел новую интересную фотографию.

Женя очень любила зверят. У неё дома, в Клину, был котёнок Максим и щенок Жулик.

И эту открытку Гайдар послал Жене и написал на открытке:

Из жестяной этой миски
Молоко хлебают киски.
Добрый пёс на них не лает,
Только хвостиком махает...

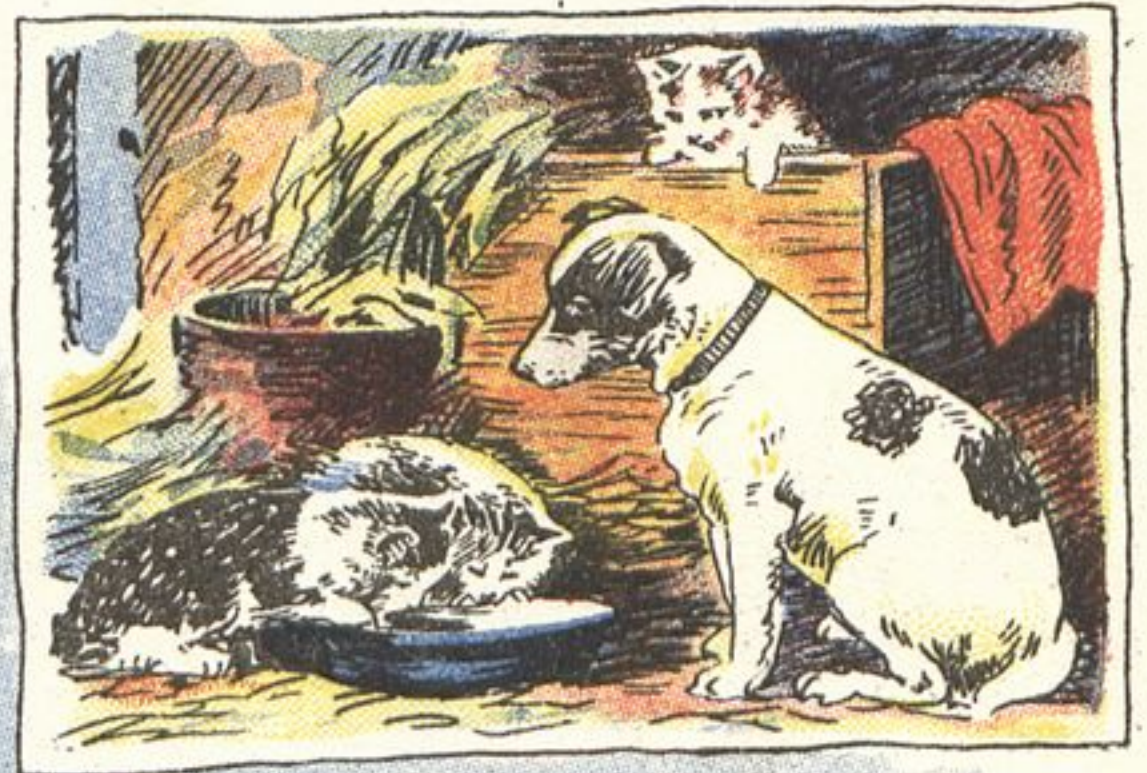
А потом зашёл ещё в один магазин и купил там Жене игрушечный, настоящий чайный сервиз. И чтобы Жене было веселее жить на свете и ждать его приезда, Гайдар подписал в конце открытки:

«Здравствуйте, люди!

Мы купили вам чашечки-серебряшечки.
Очень интересные. Крепко вас целуем!»

Совсем внизу Гайдар нарисовал для Жени маленького смешного человечка.

Когда Аркадия Гайдара убили немцы, Женя долго никому не показывала этих открыток. А сейчас решила показать их вам. Пусть все ребята знают, какой хороший был Аркадий Гайдар.

Чемодан

Детский дом имени 8 марта стоял в лесу, недалеко от станции Поваровки Октябрьской железной дороги. Там часто гостил писатель Аркадий Петрович Гайдар.

Если ребята не очень озорничали и не мешали ему работать, он жил там день, два, а иногда и больше. А потом уезжал в Москву или в город Клин, смотря по надобности.

Однажды летом Гайдар загостился в Поваровке и прожил там трое суток. А на четвёртые сутки он встал рано утром и потихоньку от всех отправился на станцию.

Но не так-то просто было незаметно исчезнуть из Поваровки. Не успел он пройти и сотни шагов по аллее, как из-за берёзовых кустов выскочили мальчишки: Гриша, Петя и Энка, а за ними прибежала и воспитательница Аня.

— Поймали! — закричали ребята и побежали к Гайдару.

— Поймала я вас, озорники! — закричала Аня и побежала за ребятами.

Тогда Гайдар остановился и схватил в охапку всех трёх ребят.

— Ну, раз все друг друга поймали, — сказал он, — делать нечего. Только не кричать, не прыгать. Провожающие, вперёд! Уезжаю в Москву. Оркестр пусть играет марш «Тоска по родине»...

Гриша и Петя побежали по аллее, Аня

пошла рядом с Аркадием Петровичем, а Энка схватил обеими руками чемодан с тремя брезентовыми заплатками и, кряхтя, потащил следом. Чемодан был плохонький, фабричный. Кряхтел Энка больше от усердия, так как в гайдаровском чемодане, кроме мыла, полотенца и зубной щётки, ничего не было.

Так и пришли на станцию.

Когда показался из-за леса дымок подходившего поезда, Энка, пошептавшись с товарищами, высунул вперёд свою стриженую голову.

— Аркадий Пи-пи-питрович, — сказал он, заикаясь от волнения. — Отчего вы такой знаменитый, а чемоданчик у вас так себе?

Трое ребят раскрыли рты в ожидании ответа.

Гайдар задумался, а воспитательница Аня покраснела и отвернулась. Поезд уже совсем близко подходил к станции. Тогда Гайдар погладил три стриженные мальчишеские головы, а воспитательнице Ане крепко пожал руку.

— Не горюй, Энка, и не расстраивайся, — сказал на прощанье Гайдар: — хуже было бы, если бы чемодан у меня был знаменитый, а сам я так себе... Наше с тобой дело военное, не в чемоданах счастье...

Гайдар прыгнул на ступеньку вагона, и поезд тронулся.

СЕРЖАНТ

Рис. В. Высоцкого

Звонок раздался рано.
Вошёл сержант румяный.
Кивнул соседке Вере
И спрашивает: «Дома?»
И прямо к нашей двери,
Как будто он знакомый.
Погоны с красным кантом...
Стоит он на пороге,
А я смотрю сержанту
На маленькие ноги,
На розовые щёки,
На синие глаза.
Такой он невысокий,
А на щеке — слеза...
И жёлтые кудряшки
Торчат из-под фуражки.
А папа встал с дивана,
К нему шагнул хромая.
Бежит сержант румяный
И папу обнимает...
А бабушка-то наша
Несла кастрюлю с кашей.
Кастрюлю ставит на пол
И села рядом с ней.
А Бобка ставит лапы
Без всяких размышлений
Сержанту на колени
И лает всё сильнее.
Сержант! Как сердце
бьётся!

Тебя узнать хочу!
А он как засмеётся!
А я как закричу!
Споткнулся на кастрюлю,
Бегу к нему, целую,
Целую, узнаю
Мамулечку, мамулю,
Сержанточку мою!

Н. Артюхова

ЧТО Я ВИДЕЛ В ЛЕСУ

Лисица—рыболов

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

С ружьём в руках я шёл на лыжах по лесу. На мягком снегу виднелось много лисьих следов.словно цепочки, они тянулись по разным направлениям. Один след был совсем свежий. Видать, лиса прошла недавно. Я взвёл курки, приготовился к выстрелу и пошёл очень осторожно, всматриваясь в заросли. В стороне, у толстого ствола сосны, лежал на снегу какой-то странный предмет, похожий на рыбу. Я подошёл посмотреть. В самом деле, на снегу лежала щука, большая, как полено. Это было очень удивительно. Как она могла попасть сюда, в глухой лес?

Я поднял её. В ней было килограммов пять веса. Она была совсем свежая и вся целая, только следы звериных зубов виднелись на её голове и спине. По следам было видно: щуку притащила лисица. Ей тяжело было тащить, — следы глубоко уходили в снег. Кое-где на снегу виднелись борозды, — их прочертил щучий хвост.

Я положил щуку в сумку, пошёл по лисьему следу в обратную сторону. Мне хотелось знать, откуда лиса утащила щуку. Пройдя шагов двести, гляжу — на снегу лежит большой полосатый окунь, с отъеденной головой. Он, видать, был брошен уже несколько дней назад — успел замёрзнуть. Удивлённый этими находками, я быстро пошёл дальше и через десяток минут вышел на берег большого озера, покрытого льдом и снегом. В одном месте, у самого берега, под обрывом бил сильный родник. Вода из него проела лёд метров на десять от берега, так что образовалась большая полынья. Две вороны на льду клевали рыбу. Они увидели меня и с криками полетели прочь. Там и здесь на льду и на берегу валялись рыбы — все без голов, расклёванные птицами. На снегу вокруг полыньи виднелось множество лисьих следов. Весь снег был обцан вороньими и сорочьими лапками. Следы доходили до самой воды. Тёмная вода в полынье казалась серой, так много в ней плавало мальков и мелких рыбёшек. У закрайка льда стояли четыре крупные рыбы. Заметив меня, они сначала скрылись подо льдом, а потом медленно выплыли опять. Мальки, точно брызги, разбежались, а потом снова приплыли серой стайкой.

Мне стало ясно: озеро «горит». В морозные зимы это случается нередко. Через толстый лёд в него не проникает воздух. Рыбе нехватает воздуха, и она начинает задыхаться. Обычно это бывает в конце зимы.

Мне захотелось посмотреть, как лисица охотится за рыбой. Я отошёл в сторону и спрятался за деревья. Мне казалось, лисица должна скоро вернуться. Однако прошёл целый час, лисица не появлялась. Надо было идти на ночлег. Я пошёл ночевать в деревню к колхознику Ивану Карпо-

вичу, тоже охотнику. Иван Карпович очень удивился, когда я рассказал ему о моей находке. Мы тут же решили завтра утром пораньше идти к проруби — поохотиться на лисицу и кстати половить острогой рыбу.

За ужином мы ели богатую уху.

На другое утро, на рассвете, мы подходили к озеру. Иван Карпович, кроме ружья, нёс острогу на длинной ручке. Не доходя до полыньи, мы разделались. Он пошёл к берегу справа, а я — слева. Мы заранее уговорились: сперва издали посмотрим, как лисица ловит рыбу, а потом подкрадёмся и будем стрелять. Я осторожно подошёл к берегу и выглянул из-за дерева. У полыньи, на берегу, сидели две лисицы; третья, с большой рыбой в зубах, убежала от полыньи прямо по белой глади озера на противоположный берег.

Лисицы на берегу сидели неподвижно, как окаменелые. Вдруг одна прыгнула в воду у самого берега и через секунду снова была на берегу с рыбой в зубах. Она даже не замочила своего пышного хвоста. Рыба судорожно билась, но лисица крепко держала её. Тут же, недалеко от проруби, она положила её на снег и принялась есть. А вторая лисица попрежнему неподвижно сидела у полыньи. Я изготовил ружьё и начал подкрадываться к ним. Надо было подойти шагов на пятьдесят — на верный выстрел. Вот и вторая лисица прыгнула в воду, так что брызги полетели во все стороны. Через секунду она уже выходила на берег с рыбой в зубах. И в этот миг в лесу ахнул выстрел. Лисица прыгнула, опрокинулась и легла. А другая, точно ветер, помчалась по берегу мимо меня. Но я уже несколько минут держал её на мушке, и едва она поравнялась со мной, я выстрелом пришил её на месте.

Весёлые и довольные, мы подобрали убитых лисиц и подошли к проруби. Вода попрежнему казалась серой: так много в ней было мальков. Иван Карпович, с острогой в руке, остановился неподвижно у воды. Я отошёл в сторону, чтобы не пугать крупных рыб. Прошло минуты три, не больше. Иван Карпович с силой бросил острогу в воду, потом за конец ручки потащил её назад. На зубьях остроги бился крупный окунь.

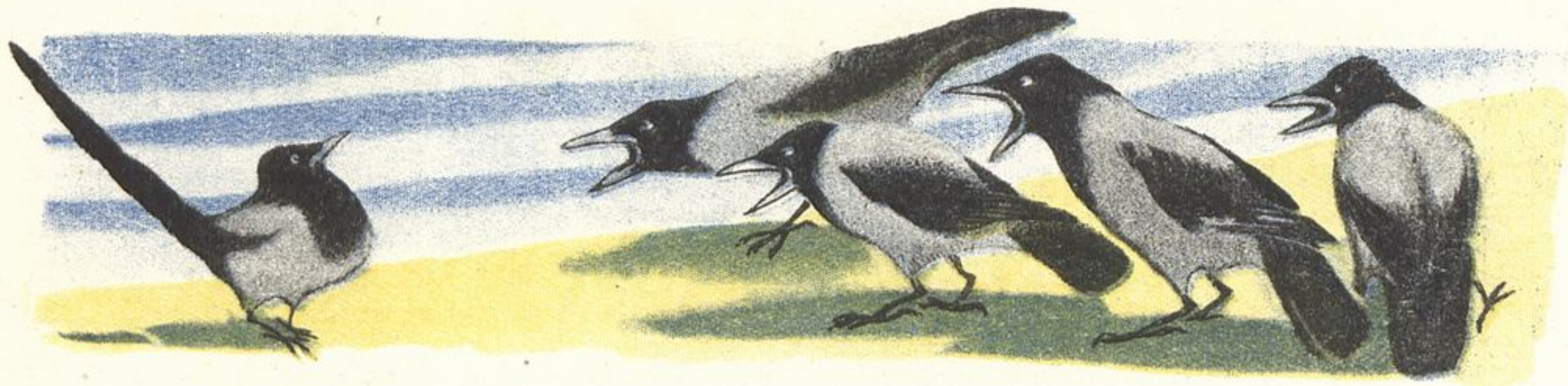
— Вот это клад! — крикнул Иван Карпович и стал снимать окуня с зубьев.

Через два часа на берегу лежала уже целая куча крупных рыб.

— Салазки надо, иначе не донесёшь, — сказал Иван Карпович, очень довольный уловом.

Мы захватили рыбы, сколько могли донести, и с двумя убитыми лисицами пошли в село.

На другой день колхозники стали ловить рыбу у проруби неводом и выловили больше двух тонн.

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА

Рис. Е. РАЧЕВА

СКАЗКА ПРО СОРОКУ

(Почему сорока ни на одну птицу не похожа)

В роще на краю деревни жили вороны. Летали они всегда вместе, и если одна находила корм, то кричала:

— Кар-р... У меня кор-рм...

Все вороны садились и вместе закусывали.

Хорошие, дружные были вороны, но поселилась с ними одна сорока. Была она такая же чёрно-серая, как вороны, только хвост у неё был длинный. Вечно она этим хвостом гордилась. Целые дни она любовалась своим хвостом. Ела то, что находили вороны, и даже на яйцах сидела плохо — всё время вертелась.

Когда соседки её ругали за это, она говорила:

— Ах, я особенная! У меня хвост длинный... Я не могу сидеть, от этого хвост портится.

Больше всего она любила разные блестящие предметы, в которых можно было свой хвост рассматривать, как в зеркале.

Однажды стащила она в кухне серебряную ложку. Вертелась, вертелась перед ней и уронила на землю. Это увидел поварёнок и закричал:

— Вороны-воровки ложку украли!

Пришли люди, взяли палку и стали разорять вороньи гнёзда. Вороны летали рядом и кричали:

— Не вороны — воровки, сорока — воровка!

Но люди не понимают по-вороньи. Люди разрушили вороньи гнёзда. Чёрной тучей полетели вороны к Умному Медведю, главному правителю лесов и полей.

— Живём мы честно и дружно, — сказали они медведю. — Но поселилась с нами Сорока-воровка. Она похожа на нас, и люди думают, что мы тоже воры, и разоряют наши гнёзда.

— Хорошо, — сказал Умный Медведь. — Я сделаю сороку белой, чтобы никто не мог её спутать с вами.

Тогда заволновались белые голуби.

— Не хотим, чтобы Сорока-воровка на нас походила.

— Хорошо, — сказал Умный Медведь. — Пусть она будет пёстрая, чёрная с белым.

С тех пор стала сорока ни на одну птицу не похожа. И где бы она ни сидела, на белом снегу или на чёрной земле, все издали видят её и кричат:

— Прочь от нас, Сорока-воровка!

ГАЛИНА НИКОЛАЕВА

Рис. Е. РАЧЕВА

Про Вор-воробья и Мышку-воришку

Сказка

Повстречала Мышка-воришка Вор-воробья и спрашивает:

— Каково, Вор-воробей, промышляешь?

— Так промышляю, что всего не съедаю, — похвастался Вор-воробей. — У меня зерна хватит для слона, а другой снеди не съест и медведю.

— Если так, Вор-воробей, так давай дружиться, — сказала Мышка-воришка.

— А какой мне толк с тобой дружиться? — спросил Вор-воробей.

— У меня в норе гора на горе, — ответила Мышка-воришка. — На горе сухарей гора сахару.

— Если не врешь, то приходи ко мне в гости, — сказал Вор-воробей.

Пришла Мышка-воришка домой и думает:

«Зачем мне с Воробьем дружиться? Мал да сер, ни красы в нём, ни радости. Лучше заберусь я в его гнездо да потихонечку и перетаскаю все его запасы к себе в нору».

А Вор-воробей пришёл к себе, сидит, думает:

«Для чего мне с Мышкой-воришкой дружиться? Мала да се-

ра, ни красы в ней, ни радости. Лучше заберусь я к ней в нору и перетаскаю все её запасы к себе в гнездо».

Дождлся Вор-воробей, когда Мышка-воришка из норы ушла, и полз в её нору.

Нора узкая, длинная, а Воробей — толстый. Залез в нору, посмотрел, видит — ничего в норе нет.

«Обманула меня Мышка-воришка, — подумал Воробей. — Дай-ка посмотрю ещё поглубже». И полз Воробей дальше.

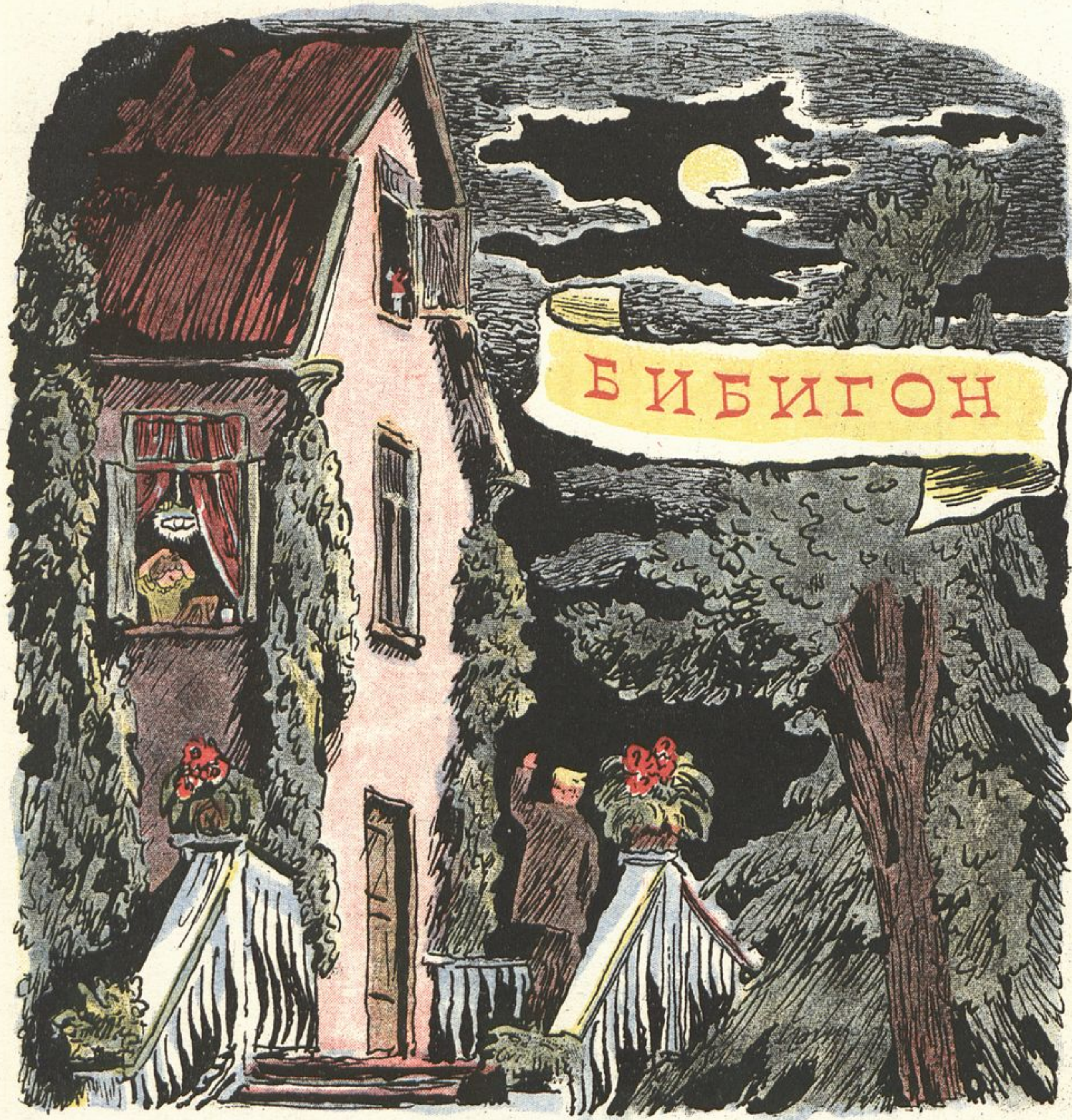
Залез Воробей в самую глубину норы, а вылезти не может. И задохнулся Вор-воробей в мышьиной норе.

Тем временем Мышка-воришка полезла по стене на крышу в воробьиное гнездо. Посмотрела в гнездо, а оно пустое.

«Обманул меня Вор-воробей», подумала Мышка-воришка, рассердилась, расстроилась, оступилась, упала с крыши на землю и разбилась.

Тем и кончилась дружба Вор-воробья с Мышкой-воришкой.

(Продолжение ¹.)

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

ЦИНЦИНЭЛЛА

Какая странная у Бибигона привычка! Каждый вечер, перед тем как лечь спать, он подходит к окошку и начинает печально глядеть на луну.

Однажды я спросил у него:

Отчего, Бибигон, ты не спишь?
Отчего на луну ты глядишь?

Он горько заплакал и, вздыхая сквозь слёзы, сказал:

¹ Начало см. в нашем журнале №№ 11 и 12 за 1945 г. и № 1 за 1946 г.

Там, на луне, моя сестра!
Она прекрасна и добра.
Какое счастье было мне
Резвиться с нею на луне!
Там у неё чудесный сад,
Где звёзды, словно виноград,
Таковыми гроздьями висят,
Что поневоле на ходу
Нет-нет, да и сорвёшь звезду.
О, если б мог я поскорей
На небеса вернуться к ней,
И с ней по Млечному пути,
Как будто по полю, пойти,
И погулять в её саду,
Срывая звёзды на ходу,
И, взявшись за руки, вдвоём
Слететь на землю, в этот дом,
К вам, в Переделкино, сюда,
И здесь остаться навсегда!

Я был страшно удивлён его словами.
— Неужели это правда? — крикнул я. —
Неужели у тебя там, на луне, осталась род-
ная сестра?

Он вздохнул ещё печальнее и тихо ска-
зал:

Моя родная Цинцинэлла
Сидит и плачет на луне.
Уже давно она хотела
На землю прилететь ко мне.

Но стережёт её ужасный
И огнедышащий дракон,
И пленницы своей несчастной
На землю не отпустит он.

Лена и Тата ещё не успели уснуть и слы-
шали наш разговор. Они вскочили с постели,
подбежали к Бибигону, взяли его на руки и
стали вместе с ним смотреть на луну.

— Бедный Бибигончик! — говорили
они. — Как нам жалко твою Цинцинэллу!
Дракон замучит её, погубит, убьёт.

Он обнажил свою шпагу и размахивая
ею, воскликнул:

Там, на луне, рукою смелой
Врагу я голову снесу!
Мою родную Цинцинэллу
Я от чудовища спасу!

Услыхав эти слова, Лена вся задрожала
и вскрикнула:

— Но ведь для этого тебе нужно лететь
на луну! Где же ты возьмёшь самолёт?

Бибигон только усмехнулся в ответ и
сказал, что, к счастью, здесь, в Переделкине,
у него найдётся немало друзей и приятелей,
которые охотно помогут ему.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ БИБИГОНА

В самом деле, здесь, в Переделкине, у
него оказалось так много друзей!

Моя дача стоит в лесу, и, гуляя среди
кустов и деревьев, Бибигон с первого же дня
познакомился со всеми здешними лягуш-
ками, белками, жуками, улитками, бабоч-
ками.

Он умел разговаривать с ними на их
языке, и они крепко полюбили его. Теперь
он каждый вечер о чём-то шушукался с ними
у старого берёзового пня, под кустами лес-
ной земляники. И указывал им на луну и
часто повторял: «Цинцинэлла!» Видно было,
что они помогают ему готовиться в путь. Ко-

нечно, всем пятерым моим внукам — и Митяйке, и Тате, и Лене, и Жене, и Гульке, — всем им было жалко расставаться со своим Бибигоном. И всё же они не удерживали его здесь, на земле. Им нравилось, что он такой храбрый.

В один голос они говорили ему:

— Ты должен спасти Цинцинэллу!

Но при этом всякий раз прибавляли:

— Только, пожалуйста, возвращайся скорее.

Тата наточила ему шпагу, а Лена сшила ему из старого носового платка два небольших парашюта, чтобы он и его сестра Цинцинэлла могли без всякого затруднения возможно скорее спуститься с луны.

Вот какие добрые были у Бибигона друзья!

Зато враги у него были злые и гадкие, и среди них самый страшный — соседский индюк Брундуляк.

Покуда Бибигон собирался в дорогу и ждал самолёта, чтобы взлететь на луну, Брундуляк стоял у забора, и злился, и фыркал, и надувался, как шар, и всё бормотал:

— Брундулю! Брундулю!

И в его непонятных словах слышалась какая-то угроза.

Мы и не знали тогда, сколько горя и слёз доставит нам этот надутый урод.

(Продолжение следует)

В О Р О Б У Ш Е К

Воробушек в гости
Летает ко мне
И крошки клюёт
У меня на окне.

С воробушком этим
Знаком я давно.
Воробушку нравится
Наше окно.

Из детского сада
Я прихожу,
На подоконник
Скорее гляжу.

И знаю, воробушек
Здесь побывал:
Моё угощенье
Он всё поклевал.

Однажды домой
Я под вечер пришёл,
Но хлебные крошки
На месте нашёл.

Они, как и утром,
Лежат на окне.
И сразу невесело
Сделалось мне.

— Что же воробушек
Мой не летит?
Может, пропал
У него аппетит?

Может быть, адрес
Он наш позабыл,
Может, воробушка
Кто-то убил?

Может быть, кошка
Съела его —
Воробушка милого
Моего?!

Мама спросила:
— Ты болен, сынок?—
Но я ничего ей
Ответить не мог.

Я ужинать даже
Не захотел.
Куда же воробушек
Мой улетел?

Утром я рано-
Ранёхонько встал,
К окну своему
Босиком подбежал.

Сразу же весело
Сделалось мне —
Воробушек здесь,
У меня на окне!

Вертит головкой
Воробушек мой,
Будто здороваться
Хочет со мной.

— Ты где пропадал?—
Я спросил у него.
Сначала он мне
Не сказал ничего,

А после чуть слышно
Чирикнул в ответ:
— К знакомой вороне
Летал на обед!

Рис. А. ПОРЕТ

Слетались к совишке
Сороки, вороны,
Галки чернобровы.
Сватали совишку
За белого луня:
«Сова, ты, совища,
Круглые глазища!
Пойдешь ли ты замуж
За белого луня,
За милого друга?
У нашего луня,
У милого друга,
Сорок кадушек
Солёных лягушек,
Сорок амбаров
Сухих тараканов,
Пятьдесят поросят —
Только ножки висят!
Сова согласилась,
Сова нарядилась
В бусы рябиновые,
В серьги калиновые,
В лычаны сапожки,
В платье из рогожки.

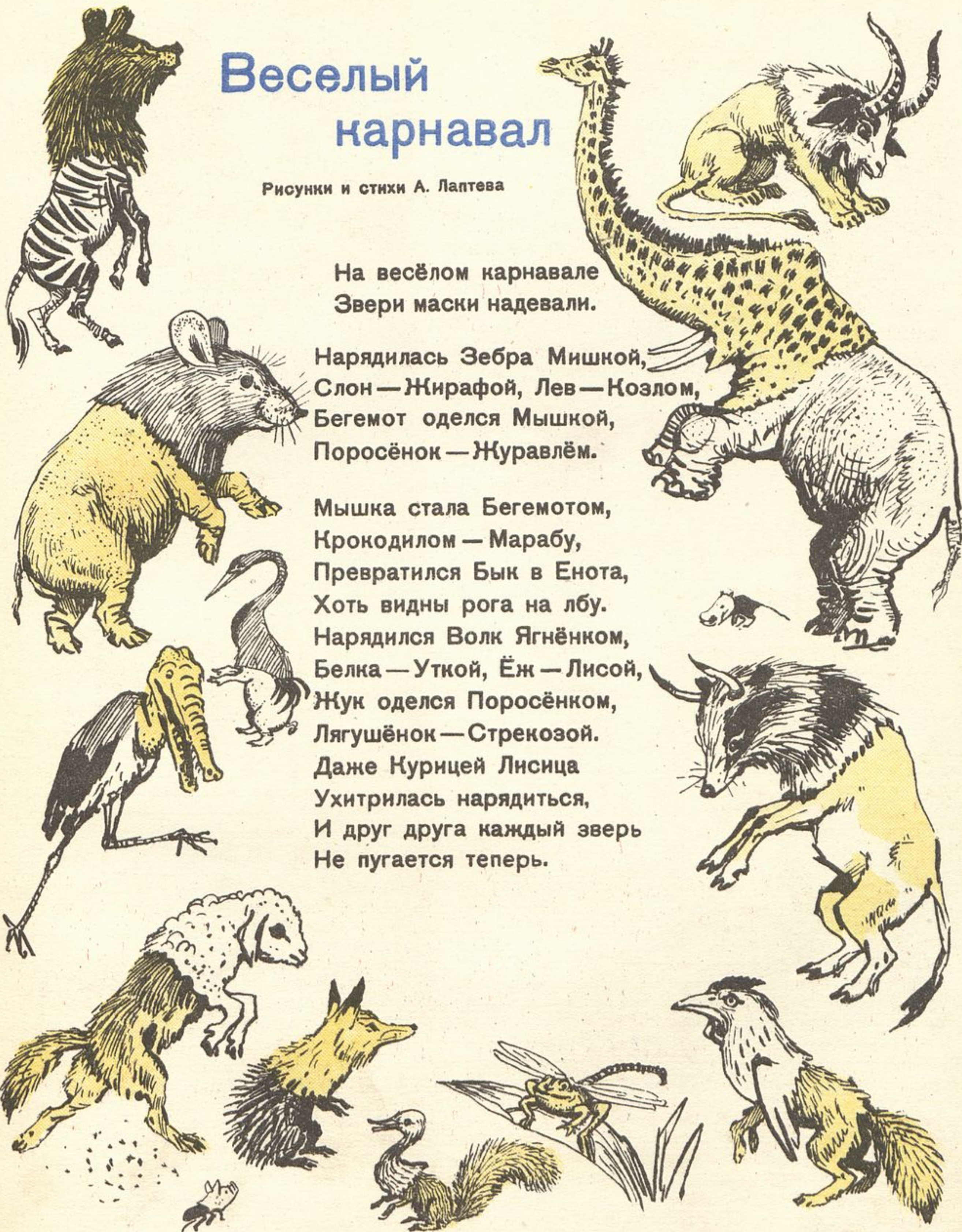
Веселый карнавал

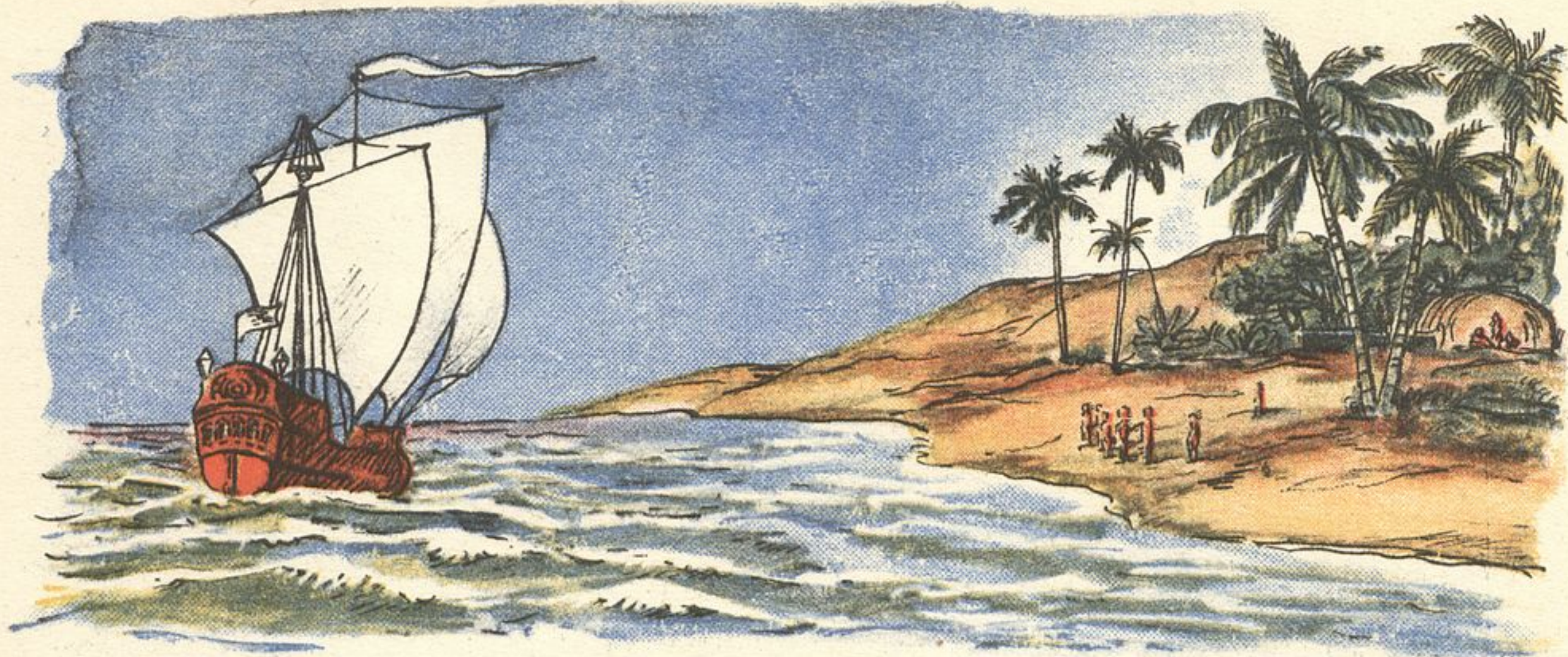
Рисунки и стихи А. Лаптева

На весёлом карнавале
Звери маски надевали.

Нарядилась Зебра Мишкой,
Слон — Жирафой, Лев — Козлом,
Бегемот оделся Мышкой,
Поросёнок — Журавлём.

Мышка стала Бегемотом,
Крокодилом — Марабу,
Превратился Бык в Енота,
Хоть видны рога на лбу.
Нарядился Волк Ягнёнком,
Белка — Уткой, Ёж — Лисой,
Жук оделся Поросёнком,
Лягушёнок — Стрекозой.
Даже Курицей Лисица
Ухитрилась нарядиться,
И друг друга каждый зверь
Не пугается теперь.

ПРО МЯЧИ И КАЛОШИ

АЛЕКСАНДР ИВИЧ

Рис. Л. Н. КРАВЧЕНКО

История твоего мяча началась очень давно — больше 500 лет тому назад, когда знаменитый путешественник Колумб отправился второй раз в открытую им новую страну — Америку. Тогда же началась история твоих калош, резинки для стирания карандаша, подвязки для чулок — словом, всех вещей, сделанных из резины.

Однажды Колумб увидел со своего корабля индейцев, игравших в мяч на берегу океана. Он не очень удивился. Мячи делали и на его родине, в Испании. Их делали из кожи. Индейский мяч был не такой: тяжёлый, из сплошной чёрной массы. А прыгал он выше и легче кожаного мяча. Сойдя на берег, Колумб спросил у индейцев знаками — их языка он ещё не знал, — из чего мяч сделан.

— Кау-чу, кау-чу, — отвечали индейцы и повели его в рощу. Там росли высокие деревья с пятнистой корой. Один индеец ловко надрезал кору, и по стволу потекла белая жидкость, похожая на сметану. На воздухе она потемнела.

— Кау-чу, — снова сказал индеец.

Скоро Колумб узнал, что кау-чу значит «слёзы дерева». Так до наших дней на всех языках и осталось это индейское название.

Колумб захватил с собой в Европу высохшие комочки кау-чу. Но он привёз столько диковинок, что на «слёзы дерева» никто внимания не обратил.

Только через двести лет один француз, путешествуя по Южной Америке, во второй раз открыл каучук. Он увидел, что индейцы делают из сока дерева не только мячи, но и бутылки, промазывают каучуком щели в лодках.

А индейские франты обмазывали слоем кау-

чу ноги и потом, чтобы он засох, держали ноги над костром. Было очень больно, но зато индеец получал на всю жизнь пару непромокаемых чулок. Снять их можно было только с кожей.

Значит, индейцы научились пользоваться тремя свойствами каучука: его упругостью, благодаря которой так хорошо прыгают каучуковые мячи, непромокаемостью и клейкостью.

Вернувшись на родину, француз показывал друзьям индейские вещи из каучука. Это было интересно. Но беда в том, что из каучука можно делать разные вещи, пока он не засох, — значит только на его родине. А в то время в Южной Америке, на диких берегах далёкой реки Амазонки, где росла гевея, — пятнистое дерево, — не было ни городов, ни фабрик, и никто из европейцев там не жил.

Единственная вещь, которую сделали тогда из каучука в Европе, была резинка для стирания карандашных записей — для этого годился и высохший каучук.

А потом два человека ошиблись и по ошибке научились готовить из каучука разные вещи. Только это было не скоро — через восемьдесят лет. Английский химик Макинтош долго искал способ размягчить каучук, но у него ничего не получалось. Однажды он опрокинул бутылку с какой-то жидкостью на стол. А на столе лежал кусочек высохшего каучука. Взял он комочек, чтобы обтереть его, и видит — размягчился каучук. Окунул он тогда ещё раз, уже нарочно, в ту же жидкость свой комочек. И оказался у него в руках клейкий мягкий каучук — такой же, как свежий. Жидкость эта была вроде скипидара — она называется нефтя.

Начали тогда делать из каучука разные вещи. Макинтош пропитывал размягчённым каучуком материю и делал непромокаемые пальто. Такие пальто и теперь называют по имени их изобретателя — макинтош.

Стали в Англии и Америке открываться фабрики каучуковых вещей, делали пальто, калоши, перчатки, мячи.

Покупали новые вещи очень охотно, но скоро пришлось фабрики закрыть. Скандал получился. Началась зима, ударили морозы, и все пропитанные каучуком пальто стали словно деревянные. Невозможно было руку согнуть в рукаве. Спрятали каучуковые вещи в шкаф до весны. А летом рассердились покупатели пуще прежнего. В первый же тёплый день пальто и калоши потекли. Идёт человек по улице, а с него каплет — каучук вытекает из материи. Калоши прямо таяли на ногах и расплывались в чёрную лужу.

Плохо пришлось бы каучуку, да спасла его вторая ошибка.

Целые годы думал американский изобретатель Гудьир, как сделать, чтобы каучук не твердел на морозе и не размягчался в жару. Тысячи способов он перепробовал, но все не годились.

Раз Гудьир покрыл кусочек каучука серой, чтобы он не прилипал к рукам. И положил по ошибке этот каучук не на стол, а на горячую плиту. Спихватился он только через несколько минут и был уверен, что найдёт на плите жижу. Бежит к очагу, а там лежит сухой, упругий, мягкий кусок резины. Вот удивился-то Гудьир нечаянной удаче! Оказалось, что каучук с серой не плавится от жара и не твердеет от холода.

Теперь подогревание каучука с серой назы-

вают длинным словом — вулканизация, а вулканизированный каучук — резиной.

Интересно, если бы Макинтош и Гудьир не ошиблись — так и жили бы мы до сих пор без резины? Нет, все равно нашли бы способ справиться с непокорным каучуком. Ведь ошиблись люди, которые всю жизнь работали, чтобы спасти каучук от забвения. Если бы Гудьир не положил каучук с серой нечаянно на плиту, он рано или поздно сделал бы это нарочно. А не он, так кто-нибудь другой. Так на самом деле и случилось. Всего через два месяца после ошибки Гудьира один химик в Англии изобрёл вулканизацию уже не случайно.

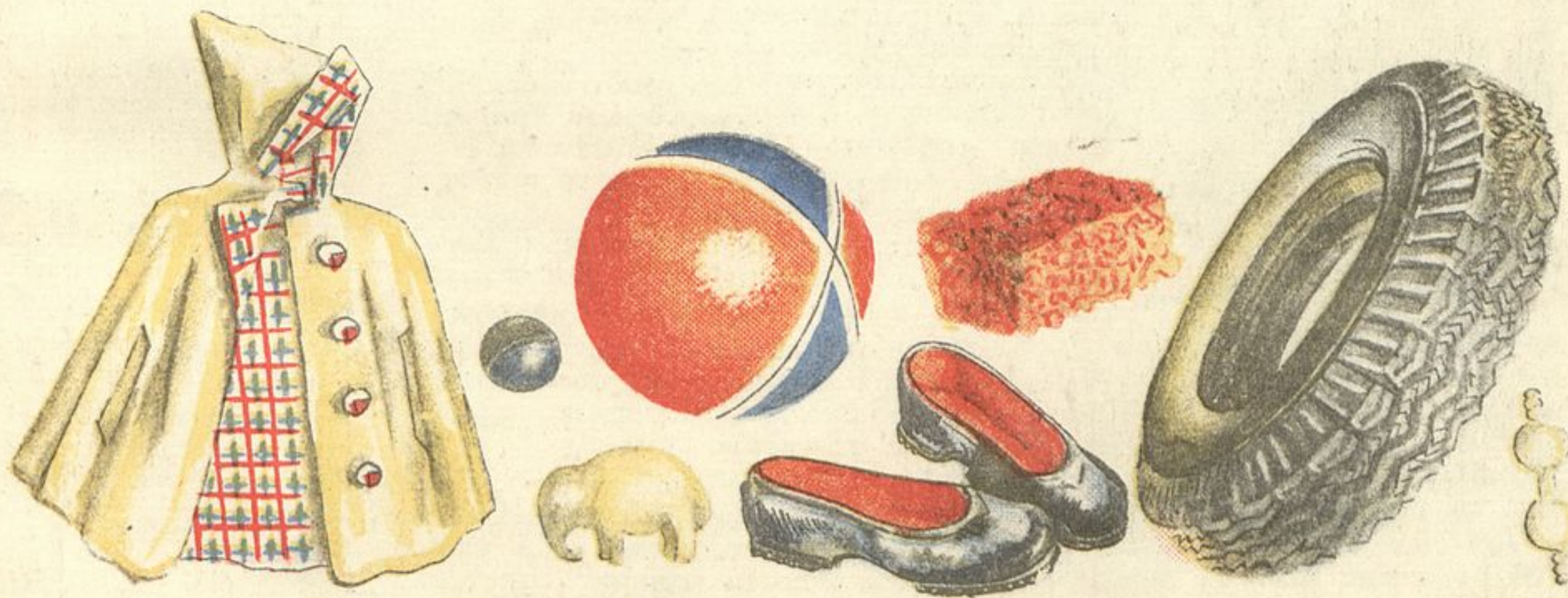
Такие ошибки случаются у тех, кто работает, не жалея сил и труда над решением своей задачи. А мы с вами, уронив кусочек каучука в серу на плиту, вероятно, и не заметили бы, что с ним случилось.

С тех пор всё больше и больше вещей делают из резины. Теперь даже трудно представить себе, как бы мы без резины обходились.

А знаете что? Давайте напишем каждый по сказке. Вот её начало.

Злой волшебник сделал так, что в одну секунду не стало в городе резины. А в это время торопились люди в автомобилях по своим делам, где-то тушили пожарные загоревшийся дом, девочки играли в мяч, в домах горел электрический свет, а водолаз искал на дне реки утонувшую лодку...

Теперь продолжайте сказку сами. Напишите, что случилось с городом и с людьми, какие вещи исчезли из дома и с улицы, когда вдруг пропала вся резина. А лучший рассказ мы напечатаем в «Мурзилке».

ДВА УПРЯМЫХ КОЗЛИКА

Меж высоких гор, через буйный поток был переброшен лёгкий узенький мостик.

На этом мостике встретились два козлика — белый и чёрный. Никто не хотел уступить дороги другому, и они стали драться. Дрались козлики долго.

Наконец один из них изловчился, согнал с мостика своего недруга и гордо перешёл на другую сторону.

Которому козлику это удалось сделать? Одни говорят, что победил белый козлик, другие говорят — чёрный. Этот спор вы сможете решить, если сыграете в игру «Два упрямых козлика».

Играйте вдвоём — один за чёрного, другой за белого козлика. Каждый помещает свою фишку на крайний красный

кружок у мостика. Затем бросают по очереди игральный кубик. У кого выпадет больше очков, тот начинает игру. Каждый игрок передвигает свою фишку на столько кирпичиков вперёд, сколько у него выпало очков, но не имеет права переступить кирпичик, занятый противником. Дойдя до этого кирпичика, придётся отступить назад по счету выпавших очков. Например, впереди осталось два свободных кирпичика, а у игрока выпало пять очков. Значит, он проходит два кирпичика вперёд и отступает на три кирпичика назад.

Поэтому козлик оказывается то посередине мостика, то у самых краёв его. Игра кончается, когда один из игроков вынужден совсем покинуть мостик, а другой его переходит.

На обложке рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Год издания двадцать третий.

Цена 2 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Редколлегия: С. М. Алянский, А. П. Бабушкина (отв. редактор), В. В. Бианки, Ю. В. Васнецов, В. В. Лебедев, С. В. Михалков, А. К. Покровская, К. А. Федин, И. И. Халтурин, К. И. Чуковский, Е. И. Шварц. Техред З. В. Тышкевич.

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6, тел. К-0-48-23. Подписано к печати 11/III 1946 г. А 00446. Объем 3 печ. л. 2,7 уч.-изд. л. 32000 зп. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Зак. 1286.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфгиз» Огиза при СНК РСФСР: Москва, Краснопролетарская, 16.